

Об авторе

Андри Снайр Магнасон (р. 1973) — исландский писатель, автор романов, пьес, поэтических сборников, книг для детей и подростков. Дважды получал самую почётную в стране награду — Исландскую литературную премию, а также награды Ассоциации книгораспространителей Исландии. Его книги переведены на десятки языков. Произведения Андри Снайра неоднократно ставились в театрах в Исландии и за рубежом. В 2016 году Андри Снайр баллотировался в президенты Исландии; активно занимается социальным активизмом, в том числе защитой исландской природы. На русском языке вышла его книга «История Голубой планеты», а также подборки стихов разных лет.

Andri Snær Magnason
TÍMAKISTAN

MÁL OG MENNING

*Посвящается
Кристине Ловисе,
Элин Фрейе,
Хюльде Филиппии,
Хлину Снайфу
и Магге*

*А время спалит
крыла свои старые,
оставит цепи,
как чар оковы.*

*Из пламени вылетит
под сень лесов,
по весне там ветви
листвой оденутся.*

Йоун ур Вёр,
«Гроб Белоснежки»

Долой февраль!

Лето было в разгаре, солнце светило, птицы пели — но, казалось, никто не радовался. В обществе царила так называемая «ситуация», и родители Сигрун только и знали, что говорить о ней; они почти не отрывали глаз от газетных страниц или компьютерных экранов. В теленовостях ругались экономисты и политики, так что Сигрун эта «ситуация» порядком наскучила. Наконец ей удалось заставить родителей отключить компьютер и выманить их в магазин за мороженым и попкорном, а потом — посмотреть по телевизору развлекательную передачу.

По дороге им встретился человек с табличкой: «Близится конец света!»

— Это экономист? — спросила Сигрун, но мама зашикала на неё:

— Что ты, что ты! Экономисты в костюмах ходят!

По приходу домой Сигрун закинула зёрна в кастрюлю, посолила, затем наполнила ароматным попкорном миску и побежала в комнату, где стоял телевизор.

— Господи, хорошо-то как! — сказал её папа, усевшись поудобнее, и они развалились на диване.

Передача началась; они несколько минут увлечённо смотрели и смеялись, но вскоре трансляцию прервали.

— Мы прерываем вещание по экономическим причинам, — сказал диктор.

На экране показались трое экономистов.

«Ой, только не это! — подумала Сигрун. — Только не это опять!» У неё было такое ощущение, что они все срослись наподобие трёхголового тролля.

— А бывают сиамские тройняшки? — спросила она.

— Тсс! — ответила мама. — Не дури, дай нам послушать!

Один из экономистов взял слово и устало произнёс: «Некоторые думают, что отчёты лишены чувств, а я скажу, что мой отчёт рыдал, когда я высчитывал, какова будет ситуация в следующем году!»

Родители замерли, волосы на их головах поднялись дыбом. Сигрун посмотрела на миску с попкорном, рассердилась, схватила телевизионный пульт и переключила канал.

— НЕТ! — закричал папа. — Это важно!

Но они ничего не пропустили. Экономистов передавали и по этому каналу, и по следующему...

Сигрун схватила миску с попкорном и вышла в сад. Светило вечернее солнце, пели птицы. Она уселась в свежескошенную траву, источавшую приятный запах, да только никто больше не наслаждался хорошей погодой: все соседи, неподвижно застыв, следили за кошмаром на телеэкранах.

Сигрун наблюдала через окно за своими родителями в гостиной. Она пыталась устроить приятный вечер — и всё насмарку! Экономисты исчезли с экранов, вместо них началась реклама. Звука она не слышала, но на экране показались пляшущие чёрные ящики.

«Управляй своим временем! — гласила надпись на экране. — Ведь жизнь одна! Купи ящик!»

Вдруг входная дверь распахнулась, и папа помчался к машине.

— Ты куда?

— Спокойно! — ответил он. — Мы решили переждать неблагоприятное время!

Сигрун увидела, что соседка тоже помчалась к своей машине, и человек, живущий чуть дальше по улице, — тоже.

Вскоре папа вернулся с большими панелями, обёрнутыми пупырчатым полиэтиленом. Мама с любопытством следила, как он снимает с панелей упаковку и с помощью анкерного ключа собирает посреди гостиной три больших чёрных ящика. Сигрун сидела на диване и смотрела на них одним глазом, а сама щёлкала пупырышки.

— Мы не станем участвовать в этом кризисе, — бормотал папа. — Плакало наше кругосветное путешествие.

Он с тоской посмотрел на картинку с кораблём, висевшую на стене, а мама сделала обиженное лицо и издала стон.

— Это точно: если прогноз о снижении ВВП на 0,5 процента оправдается, жить станет совсем невозможно.

— И что же тогда будет? — Сигрун начала волноваться.

— Об этом на самом деле никто не знает, кроме экономистов, — ответила мама, — но можно гарантировать, что тогда всё будет очень плохо, вообще ужасно.

Хотя папа слыл человеком, охочим до новинок и находчивым, руки у него вовсе не были золотыми. Он целыми днями работал только за компьютером — и поэтому остался ужасно доволен собой, когда чёрные ящики были

окончательно собраны. Они были размером с высокий узкий холодильник, из материала, больше всего напоминавшего тонированное стекло. Он расставил их в спальнях, а мама в это время прибиралась в доме, привязывала свободно стоящие предметы в саду, загоняла машину в гараж и складывала в морозильник все продукты, которые могли заплесневеть. Она подключила через интернет автоплатежи в банке на год вперёд и надиктовала на автоответчик:

Вы позвонили по адресу: Мюрюкварви, дом 22.

Мы решили дождаться лучших времён.

Пожалуйста, перезвоните позже.

— «Будут лучшие дни и цветы на лугу», — процитировала мама.

— А когда мы выйдем из этих ящичков? — спросила Сигрун.

— Мы настроим их на «привязку к ВВП». Тогда они сами откроются, как только ситуация улучшится.

Сигрун осмотрелась по сторонам. Всё было тщательно прибрано. Они как будто отправлялись в дальнюю поездку. И вот каждый шагнул в свой ящик: мама, папа и Сигрун. Когда она зашла, ей стало любопытно. Стекло было прозрачным, а когда дверь закрылась и зажётся голубоватый свет, у неё заложило уши. На мгновение всё стало чёрным, а потом ящик открылся. Она осторожно вышла в коридор, и у неё по коже побежали мурашки — настолько сырым был пол. Она вошла в гостиную и шаркнулась, когда там поднялась в воздух целая стая чаек. Оленёнок, лежавший

на диване, вскочил и выпрыгнул из окна. В центре гостиной росла красивая ель, чьи корни пробивались сквозь паркет, а в углах весь пол покрыл папоротник. Каркала ворона. Сигрун подняла глаза к потолку и увидела синее небо сквозь роскошную дыру в крыше. Ворона улетела прочь, унося в клюве большого паука.

Сигрун зашла в кухню — и не удивилась, когда сидевшая в раковине белка выскочила в разбитое окно. Лес за домом теперь подходил вплотную к стене, и одна ветка пробила стекло. Все шкафы были открыты, а в её любимой миске устроили гнездо ласточки.

«Уфф, а ведь экономисты оказались правы: кризис был просто ужасный!» — подумала Сигрун, стараясь не тревожить птенцов, попискивавших в кухонном шкафу.

Очевидно, ящик испортился, так что Сигрун заторопилась; ведь их семья решила не выходить наружу, пока кризис полностью не минет. Она сняла со стены вьюнки и увидела, что все фотографии выцвели. Она продралась сквозь целую чашу папоротников на пороге родительской спальни и с большим трудом открыла дверь. Когда глаза привыкли к темноте, она увидела, что они так и стоят как статуи в своих ящиках за прозрачным стеклом. Их озарили голубоватые лучи, и от этого родители казались бледными и похожими на привидений. Папа как будто что-то говорил, а мама прикрыла глаза, как на неудачной фотографии. Сигрун хотела сказать маме, что её ящик почему-то открылся сам; она тянула за ручку, упиралась ногами, но безрезультатно. Она стучала в стекло, но лица родителей оставались всё такими же застывшими; она била со всей силы, но напрасно.

— МАМА! МАМА! — завопила она — и ощутила, как на глаза наворачиваются слёзы. Но потом она попыталась рассуждать логически.

«Ключ! Мне нужен ключ, которым папа собирал ящики!» — подумала она и снова вернулась в гостиную.

— Они должны быть где-то здесь, — сказала она вслух, пытаясь открыть дверь, ведущую в гараж. И тут она услышала сзади звонкий голос:

— Не входи! В гараже пчелиный рой!

Она оглянулась и увидела, что в саду стоит мальчик. Он был в старомодном красно-коричневом свитере и синих тренировочных штанах с дыркой на коленке.

— Ты кто?

— Меня зовут Маркус, — ответил он. — Пойдём со мной.

Сигрун посмотрела на него.

— У тебя ключ есть?

— Что? — спросил мальчик.

— Я ищу анкерный ключ. Знаешь, такую изогнутую железную шутовину с шестигранником на конце.

— Нет, — сказал мальчик. — Ключом делу не поможешь. Давай, поторапливайся. Входную дверь заклинило, так что вылезай из окна, да захвати пальто и ботинки.

Пол в гостиной был на двух уровнях, и нижняя часть наполовину залита водой. На журнальном столике, плавающем посреди этого пруда, сидела лягушка.

— Мне не пройти, — сказала Сигрун. — Там на столе лягушка.

— Тогда шагай по стульям, — ответил он.

Сигрун перепрыгнула со стула на стул и вылезла в разбитое окно. Весь сад зарос жёлтой сухой травой.

— Тут всё ещё кризис? — спросила она и осмотрелась. Знакомый квартал было не узнать. Его как будто поглотил лес.

— Нет, ещё хуже, — сказал мальчик.

Они пошли вдоль по улице, которую и улицей-то трудно было назвать. Посреди неё росли высокие тополя. Город как будто кто-то заколдовал. Дома посерели или вылиняли от солнца, дождей и ветра, краска облупилась или сошла. Стены увидели ползучие растения. Люди, по-видимому, все пропали, мир был как будто покинут. На почтовых ящиках и входных дверях висели еле различимые таблички:

«ПОНЕДЕЛЬНИК — ДЕНЬ ТЯЖЁЛЫЙ!»

На перекрёстках стояли щиты со слоганами:

«ЧЕГО ТЫ ДОБИЛСЯ СЕГОДНЯ?
ПОТЕРЯННЫЙ ДЕНЬ НЕ ВОРОТИШЬ!
ВРЕМАКС».

На обочинах ровными рядами стояли большие бугры, поросшие мхом.

— Это машины? Прямо как ёжики! А что стряслось? Где все люди?

— Тсс, — сказал Маркус, — нам надо быть осторожнее. Поторапливайся.

Сигрун следовала за Маркусом в сумраке по заброшенному шоссе, пока они не дошли до реки, текущей по зелёной долине среди города. Они пошли вдоль неё к окраине.

По одну сторону были высотные дома, а на холме стояли большие поблёкшие особняки. Они направились туда и крадучись пошли по палисадникам, как вдруг их окликнул мальчик в яркой кофте с капюшоном и жестом позвал в дом.

Сигрун шагнула за порог. В прихожей был высокий потолок, а на стенах висели картины и старинные вещицы. Вдоль длинной стены стояли на постаментах человеческие головы — высеченные из камня, с зияющими глазами из чёрных жемчужин. Сигрун и Маркус вошли в гостиную, где их ждало удивительное сборище ребят. Все они как будто прибыли из разных стран и времён — настолько непохожими они были. Из большого окна гостиной открывался вид на весь город. Там не было видно ни одного человека. Ни души. На большом высотном доме на другом берегу реки сиял громадный щит:

«ПУСТЬ ФЕВРАЛЬ БОЛЬШЕ НЕ НАСТУПАЕТ!»

Сигрун совсем ничего не могла понять.

Вошла пожилая женщина. У неё было чёрное платье и длинная седая коса. Увидев Маркуса, она улыбнулась, затем подошла напрямик к Сигрун и дружелюбно поприветствовала её:

— Добро пожаловать, дружочек, меня зовут Ласточка. Садись с другими ребятами!

Она зашла в кухню и быстро вернулась, неся на тарелке свежеиспечённые улитки с корицей. Сигрун недоверчиво смотрела на неё. Она начала понимать, что это не сон — и всё же ещё не убедилась, что это наяву. Город пришёл

в запустение. Все исчезли. Она бросила взгляд в сторону открытой двери, возле которой стоял, как бы на страже, мальчик. Один из детей начал хныкать:

— Хочу домой...— Голос принадлежал светловолосой девчушке.

Ласточка ласково сказала ей:

— Не плачь, дружок. Всё образуется. Если всё пойдёт, как мы хотим, ты вскоре сможешь отправиться домой.

— Где моя сестрёнка? Куда все делись?

— А чтобы в этом разобраться, мне нужна ваша помощь,— сказала женщина.

Сигрун посмотрела в окно на листья, которые гнал по улицам ветер, на побитые непогодой щиты, на пустой-пустой мир — и подумала то же самое.

Женщина взяла бинокль и стала смотреть на город.

— Надо подождать остальных. Скоро нашего полку прибудет.

Она отложила бинокль и снова пошла на кухню. Сигрун тихонько подошла к окну и подняла бинокль. Ведь кто-нибудь в целом городе непременно должен был быть дома. В одном доме она заметила голубоватый свет, как от телевизора. Она направила бинокль туда.

На двери дома была наклейка со смайликом:

«ВСЕГО МИГ — И ЛУЧШИЕ ВРЕМЕНА!»

Сигрун навела бинокль на окно гостиной. На подоконнике стояли увядшие цветы, на столах — бокалы, а диваны посерели от пыли. Эту квартиру хозяева как будто покинули в спешке. Она стала искать свечение и увидела

женщину в ящике; лицо у той застыло, как у восковой статуи; а вот и её муж и ребёнок, такие же замершие; но эта семья вовсе не смотрела телевизор, их лица окаменели.

Сигрун отложила бинокль и увидела, что по улице бежит девочка. Её пальто было накинуто на плечи, так что казалось, будто у девочки синие крылья. Как ночная бабочка на огонёк, летела она в сторону дома, но поминутно оборачивалась, чтобы позвать мальчика, бежавшего за ней.

— Там на улице девочка,— крикнула Сигрун.— Она идёт сюда.

Маркус выглянул в окно.

— Это Кристин, она кого-то нашла.

— Скажи ей, чтоб поторапливалась. Уже смеркается. Могут прибежать волки,— сказала Ласточка.

Девочка в пальто показалась в дверях, а с нею и растерянный мальчик.

— Входи, выпей чашечку какао,— сказала Ласточка.— С миром что-то стряслось, но мы будем это исправлять.

— Там есть ещё дети? — спросил Маркус.

— Нет,— ответила Кристин.— Я больше никого не видела.— Она перевела дух и сняла своё пальто.

— Где я? — спросил новенький.— Где все? На улице никого нет!

— Сначала полагается представиться,— сказала Ласточка.

— Меня зовут Пьетюр,— ответил мальчик.

— Добро пожаловать, Пьетюр. Не бойся!

Сигрун смотрела на пожилую женщину, на её изящные руки. Она смотрела на мебель, ковёр на полу, лампы на

потолке. Всё это было мало похоже на обычную квартиру, скорее это было нечто среднее между музеем, библиотекой и лабораторией. Когда пожилая женщина предложила ей шоколадное печенье и стакан молока, Сигрун помотала головой. Она слишком хорошо помнила сказку про Гензеля и Гретель.

— Идите за мной, — сказала Ласточка.

Дети последовали за женщиной в кабинет. Там была древняя глиняная кружка на постаменте, а на полке — разрубленный шлем, который, видимо, кто-то рассёк надвое мечом. На стене виднелись клочки старинного ковра и картина, изображавшая огромный замок: замок казался старым, а сам рисунок был новым. Там были ножны, серебряное кольцо, маленькая резная фигурка слона и зуб нарвала. На стене висели древние карты, показывающие, как люди раньше представляли себе мир. Некоторые места на картах были отмечены фломастером. На карте мира была жёлтая наклейка с надписью: «Рассказы о проклятии принцессы Пангеи».

Ласточка отодвинула занавес, и их глазам предстала красочная картина на стене. Она была многоцветная, искусно нарисованная. На ней был человек — судя по всему, король, он вел под уздцы носорога. А ещё — девушка с гигантской корюшкой в руках; её вёл к маленькому озерцу паренёк. А ещё — девочка, которая лежала в каком-то ящике, вроде бы стеклянном.

— Кто эта девочка в ящике? — спросила Сигрун.

— Это Обсидиана, принцесса Пангеи. Я собрала тысячи рассказов о ней и изучила их связь с тем, что произошло у нас. Я велела делать раскопки в древних

руинах — и напала на след. По-моему, я нашла единственный способ расколдовать мир — и вы должны мне помочь.

Ласточка стала проецировать на стену кадры. На них в пустом-пустом городе стоял человек и указывал на холм позади себя. Он мотал головой и говорил басом: «Кто-то нарушил её покой! Её проклятие вновь пробудилось!»

Дети сидели не шелохнувшись. Снаружи царила мёртвая тишина. Ни шума, ни городских огней, только голубоватые отсветы в замолкших домах. На стене был плоский экран, показывающий кадры с веб-камер, рассеянных по всему миру. Везде было одно и то же: дома-призраки, улицы-призраки, города-призраки, всё заброшенное, пустое — но в то же время не мёртвое. Мир был зелёным, цветущим, асфальт и бетон скрылись под покровом леса. Мир и впрямь попал под какие-то чары. Ласточка достала пачку листов и плюхнула её на стол, так что дети даже вздрогнули.

— Хотите послушать этот рассказ?

Дети закивали головами.

Ласточка начала...

Три сестры

Давным-давным-давно, когда люди на земле были ещё немногочисленны и бродили по лугам, занимаясь охотой и собирательством, родились три сестры.

Мать быстро обнаружила, что одна из них была слепой и глухой, могла только разговаривать.

Вторая была слепая и немая, могла только слышать.

А третья — немая и глухая, она только видела.

Сёстры росли, и каждая из них восполняла недостатки других. У слышащей сестры слух был отменно тонкий, у видящей зрение было лучше, чем у орла, а говорящая могла так громко вопить, что дикие звери в ужасе разбежались. И так они все вместе бегали по лесу и находили себе дорогу лучше, чем иные зрячие и слышащие.

Но люди боялись этих сестёр и поговаривали, что они ведут за собой несчастье. Мать вынудили оставить их на лесной поляне и обречь на смерть.

Но даже самые кровожадные хищники не причиняли им вреда. Видящая глубоко заглядывала в глаза зверям, слышащая внимательно выслушивала их, а говорящая гладила их и нашёптывала им ласковые слова.

Кровом им стал гигантский улей, который воздвигли вокруг них пчёлы. Коровы делились с ними своим молоком,

лошади переносили через горы, а волки добывали им кроликов и фазанов.

Сёстры показывались людям то тут, то там по всему лесу и вселяли в них такой трепет и ужас, что одного храброго юношу послали убить их и в доказательство принести их сердца. Юноша пустился в путь и отыскал их улей на лесной поляне. Он спрятался под толстой шкурой, зажав в руке нож. И увидел: приходит молодая девушка, держит на ладони маленькую птичку и что-то шепчет ей. Он наострил уши и прислушался к её заклинанию. И весь день он пролежал, не шелохнувшись, слушая, как она шепчет коровьи заклинания и лошадиные, и заклинание, умиряющее кровожадность волков. Никогда прежде ни один человек так хорошо не находил общего языка с животными!

Он всё ещё лежал в своей засаде, когда домой пришла слышащая. Она остановилась и услышала стук незнакомого сердца. Она пошла на звук, просунула руку под шкуру и вытащила оттуда юношу. Видящая пристально посмотрела ему в глаза и долго-долго глядела ему прямо в душу, а та, что могла только говорить, тем временем шептала ему на ухо:

— Вот сейчас ты выучил заклинание, которое сделает тебя могущественным. Но знай: зверей нельзя использовать против людей. НИКОГДА! Кто это сделает — потеряет то, что ему дороже всего на свете.

Юноша в ужасе убежал в лес. Он целый день блуждал там, пока не набрёл на оленя. Его рука непроизвольно потянулась к ножу, но вместо того, чтоб метнуть оружие, он прошептал заклинание. Так и вышло, что сердца сестёр он людям не принёс, зато возвратился к ним верхом на

олене. Люди попадали перед ним на колени и провозгласили своим королём. Он приручал коров, лошадей и слонов и построил себе дворец невиданной доселе величины. Он приручал верблюдов, чтоб ездить по пустыням, до тех пор недоступным. И возникло первое поселение, которое стало первым городом, который стал первым государством, получившим название Пангея. У юноши родились сыновья, они унаследовали его трон. И так шли века за веками.

Королей Пангеи сопровождали особые нащёптыватели, которые служили им поколение за поколением. И хотя не все короли Пангеи оказывались миролюбивыми, никто не смел натравливать животных на людей.

О трёх сёстрах долгое время было ничего не слышать, но народные предания гласили, что их появление предвещает горе. А сейчас в разных местах Пангеи видели всех трёх: одну — на вершине горы в полнолуние, одну — в вороньем гнезде, и ещё одна явилась рыбаку, вытаскивавшему сети.

Но король Тимон Тринадцатый так об этом и не узнал. Потому что был влюблён — и влюблён без памяти.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Король Пангеи Тимон какое-то время витал в облаках. Советники и придворные заставляли его мечтательно смотрящим в пространство — и понимали, отчего это. Однажды, охотясь в лесу, Тимон встретил женщину дивной красоты. Она удила в озерце форель. У её ног лежал могучий тигр.

Он поздоровался с ней, она ответила на его приветствие и сказала, что её зовут Веснянка.

Её глаза были задумчивы, как плывущие медузы, её волосы вились, как водоросли на взморье, а губы были красны, как коралл.

«Коралл, — подумал Тимон. — Он сердце моё забрал».

Его сердце трепетало как новорождённый дельфинёнок.

Они добрались вплавь до островка посреди озера и сидели там весь день под старым рябиновым деревом, болтали и жевали травинки. Под вечер он был уже настолько влюблён в неё, что предложил переселиться к нему во дворец.

— Нет уж, лучше ты ко мне, — сказала она с улыбкой, словно поддразнивая его.

— А кто же тогда страной будет править? — спросил король.

— Иногда управляя меньше, властвуешь больше, — сказала она, вытаскивая из воды бьющуюся форель.

Именно так и решил поступить король. При первой возможности он вскочил на коня и ускакал в лес.

— До встречи осенью! — прокричал он своему советнику.

— А страной кто править будет? — спросил его советник по имени Горазд.

— Иногда, управляя меньше, властвуешь больше, — ответил ему Тимон и скрылся из виду.

Тимон и Веснянка всё лето жили в хижине возле озера, и до поздней ночи там не смолкали хихиканье и хохот. Он рассказал ей, что мечтает расширить пределы королевства, но она только обняла его и сказала:

— Ну же, ну хватит с нас и одной рожицы, пары кочек да озера.

И наконец в её чреве затеплилась новая маленькая жизнь, и для короля весь мир стал как сладчайший сахар, а каждый звук — как птичье пение.

Они справили роскошную свадьбу со множеством гостей, а тысячи специально обученных птиц изображали фейерверки.

Когда пришла пора родиться ребёнку, Веснянку отнесли в башню дворца и положили на шёлковую постель с видом на горы и долины, где с дерева на дерево перелетали попугаи. Но роды проходили трудно. Минул день, за ним вечер, и, когда ребёнок наконец явился на свет, с башни возгласили:

— РОДИЛАСЬ ДЕВОЧКА!

Королева взяла её на руки, устало улыбнулась и сказала: — Какая же она красивая!

А потом она закрыла глаза и больше уже их не открывала.

Повитуха взяла ребёнка на руки, а король тем временем пытался пробудить свою единственную любовь, но не мог.

Король Тимон закрыл лицо руками. Его сердце было готово вот-вот разорваться: как будто кто-то перерезал ножницами струны в его груди, одну за другой. Он не мог поверить, что эта добрая женщина, которая ещё миг назад целовала его, теперь навсегда его покинула. Как будто маленькая звёздочка в его сердце превратилась в чёрную дыру, и теперь она засасывала всю его радость, весь вкус и краски окружающего мира. Он посмотрел на горизонт, а там сияло солнце, дул ветер и мир вертелся, словно ничего и не произошло. В душе короля царило горе, там наступил конец света — а мухи по-прежнему продолжали жужжать. Птицы радостно щебетали, и солнце светило как ни в чём не бывало.

Тимон закричал что есть мочи:

— ПЕРЕСТАНЬТЕ ПЕТЬ! ПРИКАЗЫВАЮ: ПЕРЕСТАНЬТЕ ПЕТЬ! ПРОВАЛ ВАС ПОБЕРИ!

И вдруг послышался тихий тонкий плач, такой нежный и беззащитный, что сердце короля тотчас забилось в ином темпе. Он взял свою новорождённую дочку на руки, чтоб успокоить её. Он был неуклюж. Руки у него были большие и никогда раньше не держали такую маленькую жизнь. Он поцеловал её в лобик. Она пахла, как цветочек, и её большие, как у тюленя, глаза, с любопытством смотрели на отца, их взгляд был глубоким и осмысленным. Он рассме-

ялся и разрыдался одновременно, а потом она снова начала плакать.

— Она голодна, — сказала повитуха.

Тотчас гонцы помчались по домам в поисках женщины, способной кормить ребёнка. Так они нашли Тоурдис. Она была большая, мягкая, с ласковыми руками, красивой улыбкой и золотистыми волосами. Молока в груди у неё было полным-полно. И она окружила ребёнка заботой, в которой он так нуждался.

А в душе у Тимона бурлили гнев и тоска. Раньше у него всё складывалось хорошо, а теперь судьба обернулась против него. Ночью король взял королеву на руки и отвёз в лес. Там он похоронил её возле того озера, где они прожили целое лето.

По всему королевству разнеслась весть, что родилась прекраснейшая девочка: белая, как снег, губы алы, как кровь, а волосы черны, как вороново крыло. Её отец закрыл глаза и произнёс: «Призываю в свидетели всех духов, что я сделаю для этого ребёнка всё, что угодно! Буду покорять горные вершины, выигрывать войны — всё ради её счастья!»

Девочку окропили водой и нарекли ей имя Обсидиана.

Тимон вынес её на балкон — показать народу, что родилась наследная принцесса. Народ ликовал, поэты сочиняли оды. Никто и представить себе не мог, что через несколько десятков лет она будет стоять на том же самом балконе, а народ будет смотреть на неё взглядом, исполненным ужаса.

Оглавление

Долой февраль!	7
Три сестры	19
Жизнь и смерть.....	22
Эксель	26
Обсидиана у озера	33
Северная колдунья	43
Война со временем.....	47
Накормить львов	55
Золотая многоножка.....	59
Волшебный ящик.....	66
Гномье королевство.....	71
Голова гнома	77
Исчезнувший город.....	83
Обсидиану спасают от скуки.....	88
Появление Гюннхильд.....	94
Рождение богини	100
Борьба с чудовищем.....	109
Башня.....	115
Каури в своей кровати.....	120
Полнолуние.....	127
Целый год как одна ночь	134
Отрубить руку!.....	139
Кровь.....	145
Праздник открытия.....	148

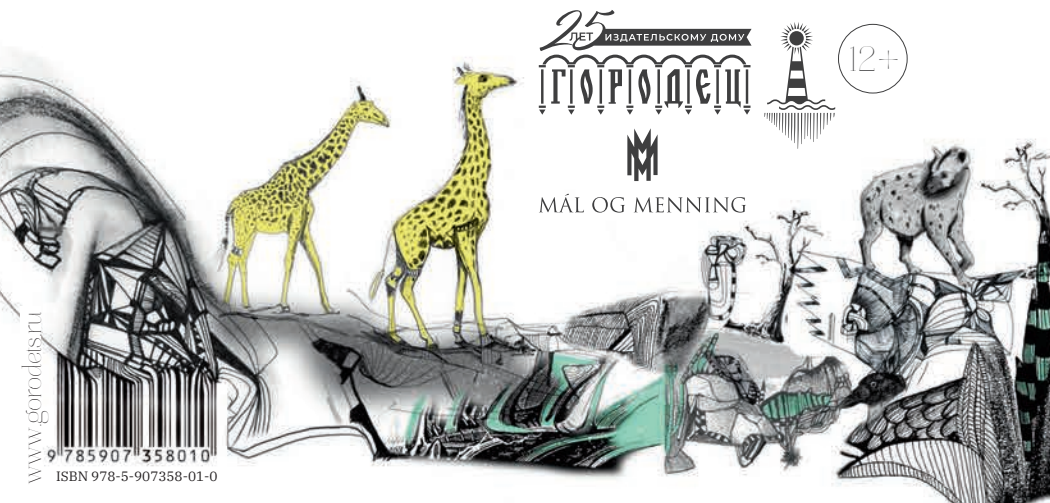
День и ночь	161
Сёстры	169
Застывшее время	174
Каури	184
Энантиодромия	194
Заброшенный магазин игрушек	199
Беги, мальчик!	206
Снова они.....	211
У мятежников	215
Обсидиана и Каури	223
Девочка в ящике времени	228
Побег.....	231
Всё рухнуло.....	239
Повесить вора!	244
Красный платок	247
Тимон очнулся	249
Рыжая панда	252
Каури на потолочной балке	255
Чёрный принц.....	259
Толпа приходит в ярость	264
Конец рассказа	268
Спрятанное сокровище	270
Поиски Кромвелля	277
Ящик найден.....	284
Фабрика.....	289
Добро пожаловать в мир	293
Под витым дубом.....	300

“Тот не завоеует мира, кто не сможет победить время!”

“Роза может стоять в этом ящике тысячу лет и не увянет. Яйцо может храниться там столетиями и не протухнет. В нём можно лежать сто, тысячу, десять тысяч лет, совершенно недостижимым для времени. Если тебе хочется сохранить красоту и юность дочери, то она может пролежать в этом ящике полвека и не состарится”.

Однажды в мире произошло нечто необъяснимое: люди попрятались в загадочные чёрные ящики и отказались выходить из них до тех пор, пока не настанут лучшие времена. Города заросли лесом, в бывших супермаркетах принялись рыскать дикие звери. Остались лишь горстка детей и таинственная старая женщина, которые пытаются разгадать загадку. Что стало с миром?! Поиск ответа заставляет их обратиться к событиям далёкого прошлого, больше похожим на легенду или чудесную сказку.

Что же такое Время? Его течение губительно для людей и городов — или, напротив, необходимо, как кислород? Если волшебный способ спастись от неумолимого времени вдруг отыщется — чем он обернётся для отдельного человека, для страны, для всего мира? Чтобы ответить на все эти вопросы — на первый взгляд детские, но, по сути, чрезвычайно глубокие и философские, — необходимо выслушать до конца историю принцессы сказочной страны Пангея и проникнуть в её тайну...

25 ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРГОДИСЦ

12+

MÁL OG MENNING